

The illustration depicts an elderly man with a thick grey mustache and glasses, wearing a blue suit and a red scarf, sitting in a golden, ornate chair. He is holding an open book and looking upwards with a thoughtful expression. The background is a lush, fantastical landscape with a large, multi-tiered stone castle on a hillside, a waterfall, and a river. The scene is framed by decorative floral borders on the left and right sides.

Александр Пушкин

**Фантазии
баснописца
Пушкина**

Александр Посохов

Фантазии баснописца Посохова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73172563

SelfPub; 2026

Аннотация

Баснописцы по определению фантазёры. Поскольку басня тоже своего рода фантазия – она использует вымышленные ситуации и аллегорические образы. Считая себя баснописцем, автор настоящего сборника тем не менее приглашает читателей пофантазировать вместе без зарифмованной морали о том, что так или иначе связано с известными людьми и литературными произведениями. То есть представить себе на пару минут, что так могло бы быть не только в воображении или во сне, но и на самом деле. При этом действительно на пару минут. Потому, что большего времени на прочтение любого рассказа в этом сборнике не требуется. А, если в каком-то рассказе главный персонаж не указан прямо, то всё равно его точно все знают.

Александр Посохов

Фантазии

баснописца Посохова

Явление дедушки Крылова

– Ох, мамочка родная! – это у меня само вырывается, когда я опускаю своё драгоценное тело в горячую ванну. И вот сегодня млею от удовольствия, и вдруг стук в дверь. А санузел у нас совмещённый.

– Но я же предупреждал тебя, что греться полез, – кричу жене через дверь, хотя знаю, что она гулять с собачкой ушла. – Жди теперь, сама виновата.

– Сейчас же выходи! – раздаётся незнакомый мужской голос.

Накидываю впопыхах халат с длинным поясом, открываю дверь и вижу, стоит в проходе на кухню сам величайший Иван Андреевич Крылов.

У меня и так от слишком горячей воды галлюцинации иногда случаются, а тут я совсем чуть не сбрендил и спрашиваю:

– А как это вы без ключа в квартиру вошли?

– Как надо, – загадочно ответил Крылов и, едва помещаясь, уселся на кухонный диванчик. – Угощай давай гостя. От

ушицы со стерлядью, лещиком и потрохами я точно не откажусь.

– Помилуйте, Иван Андреевич, какая ещё стерлядь. Минтай жареный вчерашний могу предложить.

– Нет уж уволь, – решительно отказался Крылов. – Не слышал, не пробовал, да ещё блюдо старое. Тем более, что ты не Демьян, а я не Фока. И, кстати, ты-то хоть знаешь, что я не от обжорства умер.

– Обижаете, Иван Андреевич, знаю, конечно. В проруби, читал, искупались, заболели и всё.

– Вот именно, всё. А зачем я к тебе явился, знаешь?

– Понятия не имею.

– Во-первых, я хочу похвалить тебя за две басни, в которых ты меня упоминаешь. В «Дураках» ты главную мою фразу отлично переиначил. И себя дураком показал тоже правильно. А в «Глухаре-баснописце» мне понравилось, что ты меня знаменитым филином назвал.

– Ну, если вам эти басни понравились, то иного признания мне не

надо, – искренне заверил я Крылова. – А на журавлей-издателей мне плевать.

– Во-вторых, ничего не пиши больше, кроме басен. Это мой наказ тебе. Другая литература и раньше не каждому нужна была, а сейчас вообще бесполезна. Некогда о душе думать. А в хороших баснях всяк для себя прок сыщет. Я вон и «сказки», и «комические оперы», и памфлеты, и критиче-

ские статьи писал, и переводами занимался, и журналы издавал, а прославился лишь как баснописец. Хотя сам я кое-какие свои пьесы очень даже ценю. Да ту же «Подщипу», читал, небось?

– Очень давно, – по правде ответил я. – И то всего лишь первое действие одолел.

– Ладно, прощаю. Ну ты понял, надеюсь, пиши только басни. Проза баснописцу противопоказана. Сатира с юмором и рифма, про остальное забудь.

– Понял, буду стараться.

– И, в-третьих, немедленно удали из интернета вот этот свой бредовый, абсурдный, глупый стишок: «У нас, у гениев, одна погрешность. На вид мы, будто сброд. Иван Крылов имел такую внешность. А я вообще урод». То, что ты о себе такого мнения, ещё куда ни шло, каждому ясно, что шутишь. Я-то тут при чём! Ну вот ты сам посмотри на себя. Халат старый, пояс по полу волочится, ряшка небритая, не подстрижен, на одежду и обувь в прихожей жалко смотреть. И на меня теперь глянь, живая копия с портрета Карла Брюллова. Всё на мне чистенькое, пригожее.

– Извините, Иван Андреевич, это так получилось из-за баек всяких про вашу внешность, – промямлил я в оправдание. – Больше не буду.

– Ладно, бог с тобой, бывает, заносит.

И в это самое время жена с собачкой возвращается с прогулки. А она у нас маленькая, на полтора килограмма всего,

и зовут Моська. Я кинулся встречать их, а жена говорит:

– Представляешь, злючка какая, только что у подъезда мужика толстого облаяла.

– Знать она сильна! – слышалось из кухни.

– Кто это? – встревоженно спросила жена. А Моська при этом и ухом не повела.

– Пойдём я тебя познакомлю.

Но, когда мы зашли на кухню, величайшего баснописца уже не было. Как явился, так и исчез, как надо.

* * *

Палата № 7

– Садись и слушай, что написала моя тёща про тебя, – сказал Корягину главный врач, глядя на подчинённого поверх очков.

– А она у вас писательница, что ли?

– Хуже, бывший прокурорский работник. Я ей вчера рассказал, что ты собираешься статью критическую про наше здравоохранение опубликовать, так она сегодня утром вручила мне вот эту рукопись и приказала прочесть её тебе вслух.

– Но у меня обход через час.

– Да тут на пять минут всего.

И главврач, поправив очки, начал читать.

«Унылое жёлтое здание психиатрической больницы на самой дальней и забытой окраине Москвы. В палате № 7 пять человек: Пушкин, Толстой, Достоевский, Есенин и Пастернак.

Входит доктор Корягин, непоколебимо уверенный в своей правоте мужчина средних лет.

– Так, господа хорошие, – говорит он и протягивает каждому несколько распечатанных на принтере и скреплённых степлером листов бумаги формата А4. – Я вот тут статью написал про наше здравоохранение. Ругаю, конечно, критикую. Особенно властные структуры. Даже фамилии называю тех, кто виноват во всём этом бардаке. И по мафии фармацевтической прошёлся. Почитайте, пожалуйста, а я через полчаса зайду, и вы поделитесь своими соображениями, грамотно ли я всё изложил и стоит ли публиковать такой материал.

Лишь только дверь за доктором закрылась, как Пушкин тут же заявил брезгливо:

– Больно надо! Я Чехова не читал, а этого с какой стати буду. Он же народного языка не знает. А я только такой понимаю.

– А он тебе укол сделает, – сказал, ухмыляясь, Есенин. – И будет тебе опять чудное мгновение с Нюжкой Керн.

– А тебе, сквернослов, мало биографию по кабакам делали! – запальчиво отреагировал Пушкин. – Так я тебе ещё до-

бавлю без секундантов. И за себя, и за Пастернака.

– Подумаешь, интеллигент без цилиндра нашёлся! – возразил Есенин. – Будто ты сам матерные эпиграммы не сочинял. А тросточка твоя пудовая где?

– Хватит вам! – сурово заметил Толстой. – А то анафеме обоим предам и святого литературного сана лишу.

– Какая анафема, Лёвушка! – засмеялся Достоевский. – Ты же неверующий и каешься при том бесконечно. Вот спрашивается, куда ты в свои восемьдесят два года пошёл?

– Тебя не спросили, – тыча в подушку кулаком, пробурчал Толстой. – Сразу видно, что ты в деревне рос. Там только и убивают старух топорами.

Ровно через полчаса дверь в палату вновь открывается.

– Ну что? – спрашивает Корягин.

– Потрясающе! – горячо воскликнул Пастернак. – Это наше общее мнение. Вы просто герой. Так их, чиновников и бюрократов. А то развелось мошенников разных в России, как крапивы с репейником возле нашего дома. А раньше ещё и дикая конопля росла. Обязательно публикуйте. Я вот тоже про одного доктора написал и Нобелевскую премию получил.

После этого доктор Корягин куда-то странно и вмиг запропастился. День нету, неделя прошла. А через месяц заходит тихонько, но в сопровождении санитаров уже и в больничной пижаме, шестым пациентом в дружный писательский коллектив палаты № 7».

– Понял? – строго спросил главный врач, опустив очки на кончик носа.

– Да понял я всё, – ответил Корягин. – А старушка в своём уме?

– Не беспокойся. Здоровее нас с тобою будет. Так что думай, коллега.

– Ладно, подумаю.

* * *

Омар и Зигмунд

Сидят в кафе на Плющихе двое, давным-давно известные во всём мире личности. Один мыслитель, а другой психиатр. Одного зовут Омар, а другого Зигмунд. Вот Омар и говорит Зигмунду:

– Можно соблазнить мужчину, у которого есть жена. Можно соблазнить мужчину, у которого есть любовница. Но нельзя соблазнить мужчину, у которого есть любимая женщина.

– Красиво, – похвалил Зигмунд. – Но неправда. Если бы мужчина состоял исключительно из любящего сердца, то тогда бы он вообще ничего не делал. Мужчина не состоит только из чувства, это живое существо.

– И что из этого следует?

– А то, что он подвержен любым соблазнам в силу природной зависимости. Вот посмотрите на того мужчину, который сидит за столиком у окна. Видите, к нему подсаживается девушка. Говорят о чём-то. И я абсолютно уверен, что сейчас она его соблазнит.

– Сомневаюсь, – говорит Омар. – Видите, он недовольно махнул на неё рукой, и она уходит.

– А давайте спросим у него, почему, – предложил Зигмунд.

– Извините, – подойдя к мужчине, спросил Омар, который выглядел намного старше Зигмунда. – Почему вы прогнали её?

– Потому, что она совсем обалдела, – ответил мужчина. – Представляете, пятьсот баксов за час, а у самой прыщ на лбу.

– Скажите, а у вас есть жена?

– Есть.

– А любовница?

– Есть.

– А любимая женщина?

– Тоже есть, – признался мужчина. – А вы, собственно, кто такие?

– Ну что! – торжествующе воскликнул Зигмунд, когда они, оставив мужчину в покое, вышли на улицу. – Я же говорил, что всё происходит на подсознательном уровне.

– Но я же о людях, а вы о существах, – грустно заметил

Омар. – Пойдёмте лучше посидим молча в тенёчке вон под теми тремя тополями.

* * *

Заявление российского баснописца

Участковому уполномоченному полиции.

Вчера, 31 декабря 2025 года, я был похищен двумя подозрительными субъектами, сильно похожими на Окуджаву и Шукшина. При этом один постоянно размахивал передо мной острым булатом, а другой показывал здоровенный кулак. Потом они отвезли меня в какую-то забегаловку на Кузнецком мосту и самым наглým образом склонили употребить энное количество спиртного напитка типа «Солнцедар», извлечённого из рюкзака с эмблемой олимпийского Мишки. Когда я поинтересовался у них о цели захвата, они в грубой форме потребовали от меня извинений за публикацию мной статей «Чёрная зависть» и «Калина-малина», которые я сподобился сочинить вместо басен под влиянием неуёмного желания охаивать всё и вся. При этом Окуджава то и дело швырял мне в лицо виноградные косточки, а Шукшин вообще предложил выбросить меня за борт в районе Северного речного вокзала, будто княжну персидскую.

Но я оказался упрямым автором сатирического жанра и стал доказывать, что мне, как литературному пролета-

рию, терять нечего и извиняться не за что. Просто я не понял некоторые метафоры из текста песни Булата Окуджавы «Счастливый жребий». Какие такие ещё «чёрные ручьи»? Речь ведь идёт о музыке. А для меня она ни в каком воображении не может казаться чёрными ручьями. Ручьями ещё куда ни шло, но чёрными нет. То есть музыку, проливаемую в кровь чёрными ручьями, даже если она из кровавых военных лет, я не воспринимаю. Хоть завалите меня, говорю, совсем своими косточками! Или вот это, добавляю, про текст песни «Полночный троллейбус», какая такая ещё боль, что скворчком стучала в виске! Кто-нибудь вообще в курсе, как стучит скворчонок, где и зачем? Никто не знает, а, значит, и на метафору такое пернатое сравнение претендовать не может.

А это, говорю Василию Шукшину, что за беспредел такой в «Калине красной»? Я про вашего главного героя больше вас знаю, уж так получилось. Да разве ж мог рецидивист, стреляный воробей, не догадываться, что кто-то из корешей может убить его! Должен был догадаться и спрятаться. Но не спрятался. А почему? Да потому, что не за что было убивать его. Перед другими блатными он ни в чём не провинился. Захотел землю пахать, пусть пашет, захотел с заочницей жить, пусть живёт. За это даже щелбан не ставят. И главарь «воровской малины» палач, что ли? Да его самого «воры в законе», а правильнее просто воры, на куски порвут, если он блатного без одобрения сходки замочит. Воры беспредела на

дух не переносят и карают за него сурово. Лажа всё это, говорю, калина-малина! Хоть в колодец меня бросайте.

А они в ответ давай над моими баснями ржать. Особенно над басней «Писатель». Ну ты точно, говорят, сам себя в ней изобразил. Я, конечно, не согласился и заверил, что признаю их величие. А они всё равно ржут. Так и воскликнули на всю забегаловку: тоже ещё Крылов нашёлся! Да, найдёшься, если басен, как басен, почти нет. А, если и появляются, то их никто не печатает. Есть, дескать, в России один великий баснописец и хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.